то же время и въ этомъ актѣ конгрессъ совершенно справедливо призналъ «вопросъ тактики, а не принципа».

Дальнѣйшія событія показали, какъ быстро оппортунистическое теченіе въ соціализмѣ изъ «опаснаго опыта» сдѣлало прямо вредный опытъ, съ каждымъ днемъ наносящій большій и большій ущербъ великой идеѣ соціализма. Ибо, если въ началѣ многіе искренніе революціонеры считали положеніе дѣлъ во Франціи крайне исключительнымъ и поддерживали, скрѣпя сердце, такую чудовищную комбинацію, какъ участіе въ одномъ министерствѣ соціалиста Миллърана и свирѣпаго палача Коммуны, генерала Галлифэ; если симпатіи къ Жоресу выражались, въ теченіе долгаго ряда мѣсяцевъ, въ отсутствіи систематической вражды къ покровительствуемому имъ кабинету, то, наконецъ, желаніе «министерскихъ» соціалистовъ поддерживать правительство во что бы то ни стало, несмотря ни па какіе антисоціалистическіе и даже порою антидемократическіе акты, привело совершенно логически нашихъ оппортунистовъ четвертаго сословія къ жесточайшему заушенію соціализма. Международному соціализму и въ особенности намъ, русскимъ революціонерамъ, довелось, дѣйствительно, быть ошеломленными и негодующими свидѣтелями историческаго кризиса соціализма, когда «гражданинъ-министръ» представлялся, согласно строжайшимъ формамъ этикета, русскому самодержцу.

Но соціалистическій оппортунизмъ принужденъ былъ итти, словно плѣнникъ въ цѣпяхъ, за колесницею тріумфатора-кабинета и по всѣмъ вопросамъ буржуазной политики: нашлись между соціалистами такіе вѣрные слуги министерства, что вотировали новый «китайскій» заемъ, предложенный кабинетомъ, между прочимъ, для вознагражденія грабителей, одѣтыхъ въ миссіонерское платье. И бѣдный, еще недавно столь великій въ дни борьбы за справедливость, Жоресъ ухитрялся даже доказывать, что растущій соціализмъ обязанъ участвовать не только въ буржуазномъ министерствѣ, но и въ буржуазной колоніальной политикѣ. Такимъ образомъ, интернаціонализмъ, гордо драпируясь въ плащъ умудреннаго опытомъ и практикою власти оппор-

тунизма, совершенно логически приходитъ къ порабощенію «низшихъ народностей». Это ли еще не паденіе!...

Но всѣми этими частными, хотя и очень крупными нарушеніями соціалистическаго идеала не исчерпывается значеніе «кризиса». Всѣ такія нарушенія сливаются въ одномъ общемъ, сливаются въ томъ «грѣхѣ противъ духа свята», который уже христіанство во дни своей исторической свѣжести считало самымъ тяжелымъ и единственно непростительнымъ нравственнымъ преступленіемъ: это — соблазнъ «малыхъ сихъ»; это глубокое деморализующее вліяніе на душу широкихъ слоевъ рабочаго класса, который еще недавно видѣлъ въ соціализмѣ высочайшій идеалъ своей жизни, свою религію, свою философію, свою поэзію и у котораго эта возвышенная вѣра поколеблена оппортунистическою тактикою. Дѣйствительно, если нѣкоторыя положительныя реформы могли быть проведены лишь цѣною одомашненія соціализма, лишь при помощи рѣшительныхъ отступленій отъ основныхъ требованій его, лишь подъ вѣчнымъ страхомъ, да какъ бы это не зайти черезчуръ далеко, да какъ бы это не испугать буржуазіи, не вызвать коалиціи всѣхъ реакціонныхъ силъ, не раздражить, наконецъ, «друга французской республики», то, право, лучше бы было этимъ реформамъ остаться въ папкахъ министерскаго кабинета!.. И тѣмъ хуже для самоновѣйшихъ соціальныхъ реформаторовъ, если, какъ разъ пользуясь необезпеченнымъ положеніемъ современнаго пролетаріата, они стараются вынудить его продать свою «душу живу», цѣльность и высоту своего міровоззрѣнія за ту или иную непосредственную практическую выгоду! Все, что темнитъ общій идеалъ и расхолаживаетъ революціонный энтузіазмъ трудящихся массъ, наноситъ тяжелый ударъ соціализму и отодвигаетъ самую возможность его осуществленія въ жизни. Ибо высшая практичность соціализма заключается въ его идеализмѣ, въ элементѣ вѣры, убѣжденія и нравственнаго самоотверженія
